

компьютерных игр (многопользовательские онлайн-игры, интернет-казино, присутствие реальных казино в интернете, букмекерские конторы), которые отличаются более низким барьером включения в игру, чем игры в реальной среде, могут формировать стойкую игровую зависимость, приводить к значительным финансовым потерям, невыплаченным долгам и реальной мести за них. Высокой сферой риска для детей являются знакомства с педофилами, ведущими в виртуальной среде активную деятельность. «Платонические» романтические отношения в социальных сетях могут способствовать не только ухудшению семейных отношений, но также увеличению числа жертв брачных аферистов. Интернет-шопинг создает высокий риск пострадать от мошенничества. Наконец, коммуникативная культура многих дискуссионных интернет-сообществ (форумов, блогов) отличается грубостью лексики, оскорблениями в адрес «чужаков».

Прослушивание американскими спецслужбами разговоров канцлера ФРГ по мобильному телефону является наглядным подтверждением того, насколько высоки риски в виртуальной среде для «обычного» человека.

Литература:

1. Маклюэн, М. Понимание медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн. – М., 2003.
2. Зубков, В. И. Социологическая теория риска / В.И. Зубков. – М., 2003.
3. Жмайло, А. И. Социальный риск: особенности определения / А.И. Жмайло // Экономика и управление Научная сессия МИФИ-2008. – Том 14. – М., 2008.
4. Сергеева, О. В. Повседневность новых медиа / О.В. Сергеева. – Волгоград, 2010.

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ЛИЧНОСТИ В СИТУАЦИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ

И.А. Фурса, г. Минск, Беларусь

Известны различные попытки систематизировать социальные последствия влияния информатизации, глобализации, виртуализации. Детальнее описаны и изучены социальные последствия процесса информатизации общества. Примером системного подхода к анализу социальных последствий информатизации общества является исследование К. Хессига и произведенные на его основе обобщения. Швейцарский исследователь рассматривает последствия информатизации, применяя их деление на сферу действия культуры, политики, экономики и международных отношений [6, с. 91-92]. Не претендуя на универсальность применяемого подхода, разделим возможные для личности социальные риски, определяемые характером ее взаимодействия в информационном

обществе, на несколько групп, ориентируясь на сферу преимущественных влияний. Тогда можно выделить следующие аспекты исследования специфики функционирования личности в современном информационном обществе: 1) социально-психологические; 2) социально-трудовые; 3) социально-нормативные; 4) культуральные.

Специфической чертой современного состояния развивающегося информационного общества является ситуация неопределенности, наличия множественных альтернатив для развития личности. Появление такой ситуации Д.В. Иванов связывает с парадоксальной трансформацией социальной реальности в условиях социокультурного сдвига от модерна к постмодерну, подразумевая под этим как пролонгацию, так и разрыв традиционных для модернистской парадигмы ценностных ориентиров – свободы и прогресса. Автор пишет: «... с деактуализацией ценностей общество развеществляется: оно становится эфемерным, абсурдным, ирреальным, но продолжает существовать» [2, с. 71-72]. Интересна позиция личности в ситуации критики привычных символов, всеобщего сомнения, демобилизации длительное время господствующих представлений об институциональных образованиях. Современные условия могут стимулировать как становление самосозидающей, ищущей, новаторской личности, так и растворение индивидуальности в технологизированном мире иллюзорных социальных контактов и эмоций, утрату подлинной человеческой сущности в погоне за бесконечно сменяющимися друг друга «идеалами» потребительского общества. Ф. Джеймисон, анализируя феномен консьюмеризма во взаимосвязи с логикой постмодернизма, аллегорически иллюстрирует эту ситуацию следующим образом: «монадический субъект больше не может прямо взирать на реальный мир, чтобы найти в нем искомый референт, но должен, как в случае платоновской пещеры, следить за ментальными проекциями этого мира на стенах, в которые он заключен» [1, с. 68].

В.Л. Иноземцев отмечает, что важнейшее отличие современного работника от традиционного заключается в новом характере стимулов и мотивов, их трансформации из внешних, задаваемых стремлением к росту материального благосостояния, во внутренние, порождаемые жаждой самореализации и личностного роста [3]. В таких условиях возникает необходимость синтеза прагматического и этико-философского подходов к гуманизации труда для раскрытия человекообразующего потенциала трудовой деятельности.

Характеризуя социокультурные условия формирования личности в современном обществе необходимо отметить роль медиакультуры. Усложнение социальных связей, интенсификация информационных потоков, тотальная взаимозависимость и другие общественные явления еще в конце прошлого столетия заставили исследователей обратиться к

«пониманию медиа» (М. Маклюен, Н. Луман). Медиакультура накладывает своеобразный отпечаток на целостную матрицу социальных отношений: предполагает не просто комплексное усвоение человеком информации из окружающего мира за счет множественных массовых коммуникаций, но центрирование личности в потоке разнородной информации, «массовой не с точки зрения размера, а в плане мгновенного инклюзивного охвата» [4, с. 402]. Медиакультура ознаменовывает переход ко все большей открытости и усложнению мира. Размытие границ между феноменами «массового» и «элитарного» как отличительная черта информационного общества определяет дискурсивные трансформации социального пространства, влияющие на общество и индивидуальное сознание, которые находятся «под властью репрессивного целого» [5, с. 10]. Аудиовизуальные и вербальные каналы медиакультуры, создающие новую социальную реальность, а не только выполняющие посредническую функцию связи между отправителем и получателем, становятся не менее важны для понимания мира, чем сама информация, передаваемая с их помощью. Пространство медиакультуры, производимые и транслируемые ею образы, являются, с одной стороны, важнейшим процессом современной социодинамики с точки зрения эволюции цивилизации, расширения социальной памяти, важным каналом экстернизации человеческих способностей, с другой, – благодатным условием для развития социального конформизма, задаваемого рамками подконтрольного медиасреде общественного сознания, а также формирование иллюзорной реальности, комфортной для личности, ориентированной на «тиражированные» стандарты.

Проблемы межкультурного взаимодействия выводят на первый план проблемы культурной самоидентификации личности. Сложность заключается в многозадачности: для современного человека актуален вопрос соблюдения баланса при усвоении прогрессивных образцов из массива мирового культурного наследия и противостояния «зомбирующим» стандартам, являющимся следствием продуманной маркетинговой стратегии мировых торговых гигантов. Человек должен списаться в глобальный техногенный мир, не утратив личностной автономии и национальной аутентичности. То есть возникает вопрос границ толерантности современной личности.

Таким образом, доминантные субстраты информационного общества, определяя социальные риски личности, способствуют закреплению наиболее адаптивных качеств личности. В число таких индивидуальных характеристик можно включить индивидуализм, адаптивность, критичность (формируются вследствие информационной революции – экспоненциального роста объема новой и тиражированной информации); толерантность, космополитичность (кристаллизуются под

влиянием глобализационных процессов, интегрирующих экономическое, политическое, социальное и культурное пространство различных стран); системное мышление, развитые технические компетенции (являются итогом приспособления к информатизационным процессам поколения «дигитальных иммигрантов» и социализации в технологизированном мире поколения «дигитальных аборигенов»); высокий уровень социальной мобильности, креативность, плюрализация взглядов, модульность (фрагментированность) мировоззрения, приспособленность к виртуальным взаимодействиям (появляются в процессе экспансии масс-медиа на сознание личности, развития различных видов симулятивной деятельности, закрепления правил виртуальности в социальной жизни общества).

Литература:

1. Джеймисон, Ф. Постмодернизм и общество потребления / Ф. Джеймисон. // Логос. – 2000. – № 4.
2. Иванов, Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0 / Д.В. Иванов. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2002.
3. Иноземцев, В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы: учеб. пособие для студентов вузов / В.Л. Иноземцев. – М.: Логос, 2000.
4. Маклюен, Г.М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / Г.М. Маклюен. – М.: «Гиперборей», 2002.
5. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. – М., 1994.
6. Соколова, И.В. Социальная информатика / И.В. Соколова. – М.: Перспектива, 2008.

ПРОЦЕССНОЕ ВИДЕНИЕ ПРЕДУСТАНОВЛЕННОЙ ГАРМОНИИ

А.С. Харитонов, г. Москва, Россия

Единство в многообразии - это закон красоты, гармонии и соразмерности. Он характеризует эволюцию природы. Из одного многое проистекает по закону красоты, гармонии и соразмерности. Логос как закон скрытой гармонии был сформулирован впервые на качественном уровне, по-видимому, ещё Гераклитом Эфесским, а символом этого закона были выбраны пентаграмма и додекаэдр. В пентаграмме хорда делится на три части по золотой пропорции, отображая деление трёх сущностей по золотому сечению, а в додекаэдре это действие повторяется многократно.

Исследование законов красоты и структурной гармонии в открытых системах рассматривает красоту и гармонию отношений как уникальные и редкие случаи в природе, оставляя открытым вопрос, о причине эволюции всех выживающих систем к гармонии отношений.

Исследования автора показали.